

КОНЦЕПТ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ЯЗЫК

В.А. МАСЛОВА

THE CONCEPT AS A WAY OF STUDYING
CULTURE THROUGH LANGUAGE

V.A. MASLOVA

Статья посвящена выявлению основных концептуальных смыслов концепта «вина» на материале философского, юридического и художественного дискурсов.

Ключевые слова: концепт «вина», структура концепта, концептуальный смысл, философский, юридический и художественный дискурсы.

The article deals with the detection of the basic conceptual senses of the concept “fault” on the basis of the philosophical, juridical and literary discourse.

Keywords: the concept “fault”, the structure of the concept, conceptual sense, the philosophical, juridical and literary discourse.

«Остается лишь надеяться, что лингвистика осознает важность своего предмета изучения для общего развития наших знаний о мире и не останется в стороне, прикрывшись традицией, которая рискует стать схоластической, если ее не оживить обращением к областям, лежащим за пределами формального изучения собственно языка».

Э. Сепир (1929)

Сбылись слова Э. Сепира о расширении области исследования в лингвистике. В настоящее время не только изменились способы конструирования предмета лингвистического исследования, но и появилось несколько конкурирующих метаязыков лингвистического описания [Фрумкина 1996:55]. Один из способов описания языка – через систему концептов, другой, связанный с первым – через коды, через базовые метафоры и т.д.

Мы понимаем концепт, вслед за Ю.С. Степановым, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюновой, как «понятие, погруженное в культуру», обладающее эмотивностью, коннотациями, аксиологичное и культурно-специфичное по своей природе образование. Это как бы сгустки национально-культурных смыслов, «ячейки культуры», по словам Ю.С. Степанова, значительная часть смыслов которых закрепляется в языке. Поэтому можно сказать, что язык связывает людей в нацию/этнос через концепты, которые объединяются в концептоферу. В работе «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» Ю.С. Степанов пишет: «Концепты, вообще, явление необыкновенное, они не замкнуты каждый в себе, они пересекаются и пронизывают друг друга в прошлом и сейчас...» [Степанов 2007, с. 76]; они как бы «парят», по образному выражению автора.

Есть и другие понимания концепта, но они в большинстве своем вторичны по отношению к концепции Ю.С. Степанова. Не вдаваясь в подробный анализ многочисленных пониманий концепта, примем его рабочее определение. **Концепт – это лингвоментальное образование, частично вербализованный культурный смысл, имеющий имя/имена в языке и включающий в себя значение, куль-**

турные коннотации, понятие и образ, лежащий в основе наименования (ВФ), а также ценностные смыслы.

Среди наиболее интересных подходов к структуре концепта является подход В.И. Карасика, который справедливо считает, что центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [Карасик 1996:14]. В концептуальной модели, предложенной В.И. Карасиком, вычленяются понятийный, образно-перцептивный и ценностный компоненты.

На основе наибольшей культурной маркированности концептуального пласта возможны выделения концепта-образа, аксиологического концепта, концепта-символа, прецедентного концепта и других подвидов [Тамерьян 2011:101].

Содержание понятийного компонента позволяет дифференцировать концепты по тематическим сферам или разновидностям понятий, как например, М.В. Пименовой был выделен концепт-идея [Пименова 2004:8].

С. Г. Воркачев выделяет в структуре концепта понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, подерживающие концепт в сознании) и значимостную составляющую – этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка [Воркачев 2004:6].

Г. Г. Слышкин вычленяет в структуре концепта четыре зоны – основные (интразону, экстразону) и дополнительные – квазиинтразону и квазиэкстразону [Слышкин 2004:17-18]. Интразона – это признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата, в экстразону входят признаки, извлекаемые из паремий и переносных значений. Квазиинтразона и квазиэкстразона связаны с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием эвфемизмов [Слышкин 2004: 66].

Наиболее интересным и полным описанием структуры концепта является модель, предложенная В.И. Постоваловой, которая в базисных религиозных концептах различает семь уровней, или слоев, концептуального смысла [Постовалова 2011:6].

Первый уровень смыслового содержания религиозного концепта образует инвариантный, надязыковой, наднациональный и надкультурный, конфессиональный смысл, общий для соборного сознания всех ветвей и направлений в составе какого-либо определенного религиозного исповедания, например, христианства в целом.

Второй (основной) уровень смысла религиозного концепта составляют мировоззренческие смыслы, вырабатываемые в конкретных конфессиональных ветвях определенного религиозного исповедания.

Третий уровень смысла религиозного концепта составляют духовные смыслы, вырабатываемые в различных этнических вариантах конфессиональных ветвей. Особенностью русского православия является идея соборности, единства всего православного народа под началом Церкви, поэтому известный русский мыслитель С.Н. Булгаков называл соборность «душой Православия».

Четвертый уровень смысла образуют различные смысловые оттенки, привносимые в религиозный концепт при его осмыслении и переживании в различных обществах различных эпох (общецерковная жизнь, монашеское подвижничество и т.д.).

Пятый уровень смысла образуют смысловые оттенки, возникающие в восприятии религиозных концептов сквозь призму определенных символов, принятых в какой-либо конкретной духовной культуре – общенациональной или конфессиональной. Так, в Священном Писании символами спасения являются: *рог спасения, крепость спасения, чаша спасения, источники спасения, знамение спасения, убежище спасения* и под.

Шестой уровень смыслов в религиозном концепте образуют смысловые оттенки, привносимые при попытках прояснить духовный смысл концепта, опираясь на языковое чувство и народно-этимологическое восприятие слова, выражающего данный концепт в соответствующем языке, т.е. прежде всего словарные значения.

Седьмой уровень смыслов образуют индивидуально-смысловые, личностные оттенки в интерпретации концептов в идиолектах отдельных представителей определенного религиозного исповедания [Постовалова, 2011:8–9].

Итак, концепт не обладает настолько четкой структурой, чтобы можно было описывать ее однозначно: в разных типах дискурсов актуализируются его разные аспекты, различные ассоциации, просматривается иная связь данного концепта с другими. Так, в религиозном православном дискурсе концепт «*милосердие*» связан с концептами «страдание», «сострадание», «милость», а в научном и художественном – с концептами «*сопереживание*», «*сочувствие*», «*жалость*» и даже – «*удовольствие*», «*мужество*», «*зло*» и др. (Маслова, Самара).

В третьем тысячелетии осмысление и построение концепта осуществляется в русле нескольких направлений – чисто лингвистическом, когнитивном, психолингвистическом и лингвокультурологическом.

С точки зрения лингвистики, сходство концепта со значением позволяет описать лексическую и грамматическую подсистемы языка по концептам национального менталитета.

В рамках лингвокультурологического подхода концепт трактуется как сложное социопсихическое образование, которое имеет понятийный, образный и ценностный компоненты [Карасик 2002:129]. С позиций психолингвистики концепт рассматривается в рамках проблемы «язык – сознание – культура».

Ставя вопрос о существовании того или иного концепта, Ю.С. Степанов считает необходимым исследовать тексты – «ведь интерпретируются именно тексты, а сам «дух культуры состоит в операции с этими концептами» [Степанов 1996:6].

Используя подход Ю.С. Степанова и понимание структуры концепта В.И. Постоваловой, попытаемся реконструировать по текстам разных типов концепт «вина».

Слово «вина» общеславянского происхождения. Традиционно под словом «вина» понимается:

1. Проступок, преступление. *Признать (загладить) свою вину*. 2. ед. Причина, источник чего-н.(неблагоприятного) – «Толковый словарь» под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой; «Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. Автор Т.Ф. Ефремова и др.

Изучение синонимических рядов к слову позволило выделить дополнительные дифференциальные признаки:

преступление, причина || *без вины виноват, быть виною чего-л., взвалить чужую вину, взводить вину, вменять в вину, заглаживать вину, не чья-л. вина, оставить вину, отдать вину, отпустить вину, ставить в вину* (Словарь синонимов Н. Абрамова).

Далее мы подвергаем анализу философский, юридический и художественный дискурсы, в которых используется слово «вина», чтобы выявить основные концептуальные смыслы и по ним реконструировать концепт.

Наиболее часто встречается «вина» в юридической литературе, т.к. она является основной составляющей психического при совершении преступления. Значение вины многоаспектно как в этимологическом, так и в функциональном плане: это и поступок, и долг, и штраф и т.д. Более обширное функциональное назначение вины дается в уголовном праве. Она рассматривается как психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному действию или бездействию и его последствиям, выражающееся в форме умысла или неосторожности. В уголовном праве уделяется особое внимание проблеме вины, поскольку малейшее отступление от принципа виновной ответственности может повлечь нарушение законности, обусловить несправедливое решение вопроса о виде ответственности и ее объеме.

Сходное толкование *вины* находим в научной (юридической) литературе: это негативное отношение лица, совершающего преступление, к социальным ценностям и нормам социального поведения, свидетельствующее об антисоциальной направленности действий субъекта (что характерно для умысла), либо пренебрежительное или недостаточно внимательное отношение к этим ценностям и нормам.

В философских контекстах *вина* понимается как нарушение морального долга, какого-либо правила вообще. Человеку трудно признать свою вину, она легко забывается, если общество о ней не помнит: *Я еще не встречал человека, который зная о своих ошибках, признал бы свою вину перед самим собой* (Конфуций); *Мы легко забываем свою вину, если она только нам одним известна* (Ларошфуко Франсуа). Современный философский словарь дает: «ВИНА – то, что достойно упрека. Осуждая человека, ему ставят в вину то, что он вел себя неправильно и решал несправедливо, хотя мог бы вести себя иначе, а решать справедливо» (Философский энциклопедический словарь /Ред.-сост.Е.Ф.Губский и др. – М., 2003).

В педагогической литературе, например, у Сухомлинского, чувство вины не самобичевание, а угрыzenie совести, стремление к нравственной незапятнанности и порядочности: *Вина – благородное чувство воспитанного человека. Не переживает вины только дурак и дремучий нравственный невежда.*

Согласно З. Фрейду, – источником чувства вины является страх, который позднее трансформируется в совесть. Этот страх выступает в двух формах – двух источниках вины: 1) страх перед авторитетом – принуждает к отказу от удовлетворения первичных позывов; 2) страх перед Сверх-Я – более поздний – принуждает к отказу от запретных желаний и реализует наказание.

Из данных дискурсов, использующих слово «вина», следует, что наиболее мучительными для человека, чувствующего свою вину, являются душевные страдания, связанные с муками совести, раскаянием, стыдом. «Стыд перед людьми – хорошее чувство, но лучше всего стыд перед самим собой» (Л.Н. Толстой). Чувство вины представляет собой негативное эмоциональное переживание, которое, вследствие совершения неблагоприятного поступка, налагает на себя человек, совершивший этот поступок (или замышлявший его). И еще один смысл: вина – благородное нравственное чувство.

Добавим к этому понимание *вины* русским народом, отразившееся в пословицах и поговорках:

1) неизбежность и необходимость наказания: *Отольются кошке мышкины слезки; Виноватого Бог найдет (сыщет);*

2) осознание вины доставляет мучения человеку, заставляет жить в страхе, не дает покоя: *Вина голову клонит; Наша вина – беда;*

3) нельзя перекладывать вину на другого, нельзя упрекать детей за дела родителей: *Сын за отца не отвечает; Сам накрошил – сам и выхлебай; Не бей Фому за Еремину вину;*

4) наказание соответствует вине: *Каков грех, такова и расправа; Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел;*

5) нужно терпеливо выносить наказание, это может искупить вину: *За дело побьют – повинись да ниже поклонись; Виноват да повинен – Богу не противен; Виноватого Бог помилует, а правого царь пожалует;*

6) нельзя во всем обвинять одного человека: *Один в грехе, а все в ответе; Виноват медведь, что корову съел, а не права и корова, что за поле ходила;*

7) часто невинные расплачиваются за чужую вину: *В суде убогий с богатым, хотя и прав, бывает виноватым; Виноват – не виноват, а попался – заплатись.*

В пословицах и поговорках мы выявляем следующие смыслы: раскаяние в содеянном помогает искупить вину, наказание за провинность неизбежно, осознание вины заставляет человека мучиться, не следует расплачиваться за чужую вину и т.д.

Поэтические контексты показывают, что «вина» тесно связана со словами «прощение» и «страдание»: *Моя вина, что ты грустишь, / Что ты печальна, словно море! / Надеюсь, ты меня простишь, / Иначе я умру от горя!* Непрошенная вина тяготит человека: *И опять кольнут доньне / Неотпущенной виной, / И окно по крестовине / Сдавит голод дровяно (Борис Пастернак).* Вина в понимании русских тесно переплетается с желанием переложить вину на кого-нибудь другого: *У сильного всегда бессильный виноват (И. Крылов).* Вину совестливый русский человек принимает на свой счет даже тогда, когда ничего предсудительного не совершал. Так, Твардовский писал: *Я знаю, никакой моей вины / В том, что другие не пришли с войны. / В том, что они – кто старше, кто моложе – / Остались там, и не о том же речь, / Что я их мог, но не сумел сберечь, – / Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...* Часто русский человек считает, что во всем виновата судьба: *Я утверждаю, что во мне покой / Причастницы перед причастьем. / Что не моя вина, что я с рукой / По площадям стою — за счастьем (Цветаева).*

Виновный нуждается в искуплении и прощении, так как такой тяжкий крест человек не может нести всю свою жизнь: *Ты говоришь – моя страна грешна, / А я скажу – твоя страна безбожна. / Пускай на нас еще лежит вина, – / Все искупить и все исправить можно (А. Ахматова).* Если же не следует искупления, то это чувство вины будет преследовать человека даже в его самые приятные моменты жизни: *Когда тебе хорошо, / Так, / Что райские куци видны, / Обязательно будет оно – / Гадкое чувство вины. / И куда бы ты ни пошел, / Что бы ты потом ни сказал, / Превращает оно ни во что / То блаженство, / Что вдруг испытал (И. Бродский).*

Человек сам строит свою судьбу, сам виновен в том, что сделал или не успел сделать. Некрасов писал: *«Не говори: «Забыл он осторожность! / Он будет сам судьбы своей виной!...» / Не хуже нас он видит невозможность / Служить добру, не жертвуя собой».* Обычно признание вины приходит к человеку очень поздно: *Всеми ища вину вовне, / Я злился так, что лез из кожи, / А что вина всегда во мне, / Я догадался много позже (Игорь Губерман).*

Итак, концепт – это «пучок» смыслов, которые торчат в разные стороны, создавая поле концепта. О концепте можно говорить именно в интерпретационном ключе, в плане его реконструкции. В случае с концептом «вина» в ядре концепта лежит следующее: человек понимает нравственную недопустимость, а часто и противоправность своего поведения и связанных с ним результатов, поэтому он желает искупить свою вину. С другой стороны, он хотел бы, чтобы его признали невиновным во что бы то ни стало, хотя в большинстве своем совестливый человек будто бы рождается с сознанием своей вины и умирает, желая наказать своей смертью других. С третьей стороны, вина – это разрушительное эмоциональное состояние, направленное на себя в ситуации, когда мы совершили то, что сами для себя считаем неприемлемым. Это своего рода «самопредательство», потому что человек предопределен к свободной, нравственной способности решать справедливо, выступая против несправедливого и избегая того, что запрещено. Поэтому вина – это зло, и как всякое зло должна быть искуплена, наказана, отмщена.

Литература

1. *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
2. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-15.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. *Маслова В.А.* Страдание и сострадание (на материале русской и белорусской лингвокультур) // Славянская концептосфера в сопоставительном освещении. Лексикон. – Самара, 2011. – С. 382-396.
5. *Пименова М.В.* Душа и дух: особенности концептуализации. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.
6. *Постовалова В.И.* Религиозные концепты в теолингвистическом представлении / В.И. Постовалова // Хрестоматии теолингвистики. Т. 2 / Под ред. А.К. Гадомского и К. Кончаревич. – Издательство: Универзитет у Београду – Православни богословски факултет. – Београд (Сербия), 2011.
7. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
8. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М., 2007.
9. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – М., 1997.
10. *Тамерьян Т.Ю.* Типология и структуризация концепта: Множественность подходов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2011. – Вып. XIII. – С. 101–111.
11. *Фрумкина Р.М.* «Теория среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. №2. – С. 52-58.